

Один из этих двоих оказался Великим старейшиной клана Жун. Увидев, что Жун Цзинь — плоть от плоти их рода — повернул оружие против собственной семьи, он пришел в ярость. Старейшина ткнул в него дрожащим пальцем и разразился бранью:

— Ах ты, неблагодарная тварь! Ты ведь носишь имя Жун! Наш клан взрастил тебя, ни в чём тебе не отказывал, а теперь ты платишь нам чёрной изменой?! Совсем рассудок потерял!

Жун Цзинь лишь тихо рассмеялся в ответ. На его губах по-прежнему играла лучезарная улыбка, но в глазах застыл холод, а голос так и сочился ядом:

— Какая же лицемерная чушь. Клан Жун действительно ни в чём мне не отказывал. Вот только за все ваши щедроты мне пришлось бы заплатить собственной жизнью, а такая цена, согласитесь, слегка завышена.

Старейшина на миг опешил, словно его окатили холодной водой, но быстро справился с собой. На поле боя нет места правым и виноватым — есть лишь враги, а потому никакого раскаяния он не испытывал.

Жун Цзинь и не надеялся, что у кого-то из этих людей проснётся совесть. Ему просто опротивел этот праведный гнев на их лоснящихся лицах.

— Клан Жун хочет забрать мою жизнь? Что ж, забирайте, моя голова немного стоит, — Жун Цзинь прищурился, и его взгляд стал острым, как лезвие клинка. — Но если вы посмеете тронуть Пэй Мина... сначала вам придётся перешагнуть через мой труп!

Второй заклинатель разразился презрительным хохотом:

— Жалкий щенок! Вздумал читать нам нотации? Похоже, ты совсем забыл своё место!

Не дожидаясь ответа, оба воителя вскинули мечи и обрушили на Жун Цзиня сокрушительный удар. Ярость мастеров Царства Слияния с Единым заставила сами небеса померкнуть.

Жун Цзинь, чья культивация едва достигла пика Священного Царства, даже не шелохнулся. Он лишь заворожённо наблюдал за стремительно приближающимися клинками.

Вдруг всё замерло.

Нет, время не остановилось совсем — оно растянулось, превращаясь в бесконечно тягучее марево. Словно единый миг раздробили на миллионы невидимых песчинок, и каждая из них теперь неспешно оседала на землю.

«Мимолётная Слава Времени» — этот чёртов дар действительно был сущим проклятием. Он пробуждал в людях худшие пороки, сеял алчность и злобу, из поколения в поколение превращая жизнь семьи Жун в бесконечную трагедию. И всё же именно эта способность оставляла Жун Цзиню последний, отчаянный шанс.

Путь, который вёл напрямик в бездну, откуда нет возврата.

Но в жизни каждого человека порой наступает миг, когда что-то становится гораздо важнее собственного спасения.

Черные, как вороново крыло, волосы Жун Цзиня на глазах начали белеть от самых корней, приобретая слепящий, мертвенный оттенок. Сам он этого словно не замечал. Медленно, размеренным шагом он подошел к застывшим противникам, обнажил меч и точным, выверенным движением вонзил клинок в грудь одного из них.

Зависшие в воздухе враги выглядели нелепо, почти комично. Время их восприятия растянулось настолько, что их разум всё ещё торжествовал, предвкушая триумфальную победу над Жун Цзинем, в то время как их тела уже настигла неминуемая смерть.

Жун Цзинь уже собирался покончить со вторым врагом, как вдруг позади послышался приглушённый топот множества ног.

«Надо же, ещё гости».

Даже не обернувшись, он хладнокровно оборвал жизнь второго нападавшего и лишь после этого неспешно повернулся к прибывшим. Перед ним стояли ещё пятеро или шестеро мастеров Царства Слияния с Единым.

«К счастью, все они лишь на начальной или средней стадии. И среди них нет никого с телом Мимолётной Славы Времени, — пронеслось в его голове. — Иначе мне не сдержать их, даже если я отдам за это десяток жизней».

К этому моменту его волосы полностью побелели, превратившись в серебряные нити, но Жун Цзиню было всё равно. Он продолжал невозмутимо шагать навстречу новой волне противников, пока те беспомощно застыли на месте, не в силах пошевелить и пальцем.

Время послушно растянулось вновь.

Движения Жун Цзиня сделались механическими, пугающе монотонными: выпад, удар, сталь покидает плоть — и ещё одна жизнь обрывается, не успев начаться заново.

Но за власть над временем приходилось платить непомерную цену. Годы стремительно забирали своё: лицо покрывалось глубокими старческими морщинами, пальцы слабели, едва

удерживая рукоять меча, а плечи бессильно опускались, сгибая спину под непосильной тяжестью прожитых в одно мгновение веков.

Когда он замахнулся вновь, с его побелевших губ сорвалась струйка тёмной крови.

«Сила уходит... Надо спешить, иначе не успею».

Едва последний враг рухнул замертво, дряхлое, истощённое тело Жун Цзиня окончательно истощало все свои ресурсы. Ноги подкосились, и он тяжело повалился на холодную землю.

Вдруг со стороны королевского дворца к небесам устремился ослепительный столб света. Багряные тучи разошлись, и на мгновение ночная тьма сменилась слепящим дневным сиянием.

Жун Цзинь с трудом повернул голову на этот свет. Губы его дрогнули в попытке улыбнуться, но на это не осталось сил. И всё же в его угасающем, подёрнутом мутной пеленой старости взоре светилось чистое, ничем не омрачённое облегчение.

«А-Пэй... Тебе всё-таки удалось пробиться. Значит, твой учитель пострадал не напрасно...»

Мысли путались, распадаясь на бессвязные осколки. Они вспыхивали яркими искрами и тут же гасли в надвигающейся темноте. Сквозь нарастающий гул в ушах он едва различил бесстрастный механический голос Системы:

[Поздравляем Хоста с успешным выполнением задания. Запуск протокола возвращения.]

В следующее мгновение дряхлое, иссохшее тело замерло, и Жун Цзинь навсегда закрыл глаза.

Поскольку Жун Цзинь практически в одиночку уничтожил всю верхушку двух великих кланов, расстановка сил мгновенно изменилась. Подчинённые Пэй Мина, до этого с трудом сдерживавшие натиск врага, перешли в сокрушительное наступление и без труда вырезали уцелевших мятежников.

Когда звон клинков утих, уставшие, но победоносные воины вошли во дворец и замерли в ожидании приказов своего господина.

Улицы разрушенной столицы были усеяны телами погибших. Небо над королевским дворцом то и дело содрогалось от яростных ударов Небесной Кары — одна за другой молнии с оглушительным рёвом обрушивались на крышу главного зала, подчёркивая мертвенное безмолвие разорённого города.

Лишь когда над горизонтом взошла багровая луна, столь привычная для Царства Демонов, раскаты грома наконец утихли.

Испытание Пэй Мина завершилось. Он неторопливо вышел из обращённого в руины зала. Всюду, где он проходил, демоны послушно склоняли головы, выражая почтение первому мастеру Царства Трансцендентности, рождённому со времён падения Эры Божественного Календаря.

Но новоиспечённый Демонический Император едва ли замечал их благоговение. Его шаг был размеренным и твёрдым, однако сердце ликовало — ему не терпелось поскорее отыскать того, ради кого он преодолел этот путь, и разделить с ним свой триумф.

Кровавое месиво под ногами не вызывало у него никаких чувств. Взгляд Пэй Мина был устремлён вперёд. Он точно помнил место, где приказал своим людям спрятать Жун Цзиня...

Внезапно он замер как вкопанный.

Перед ним лежало около десятка безжизненных тел — ничем не примечательное зрелище на фоне всеобщей бойни. Но среди этой груды мертвецов белел знакомый лисий мех.

Сердце Пэй Мина пропустило удар. Великий владыка демонов впервые в жизни познал, что такое первобытный, парализующий страх. На неслушающихся, дрожащих ногах он приблизился к телу, бережно приподнял его и, всмотревшись в черты лица, оцепенел.

Дрожащими, ледяными пальцами он осторожно убрал с лица покойного спутанные седые пряди. Его голос сорвался на едва различимый хрип:

— Ну и ну... Ты же у нас всегда так пёкса о своей внешности, пылинки с себя сдувал. Что же ты сейчас себя так изуродовал?..

Пэй Мин сдавленно всхлипнул, и плотина рухнула — он разразился безутешными рыданиями, прижимая к себе безжизненное тело.

«Да кому вообще сдалась эта победа?! Кто просил тебя жертвовать собой?! Зачем?!»

Первым указом нового Демонического Императора стало повеление устроить пышные похороны.

Священный жертвенник, спешно восстановленный вместе с первыми постройками разорённой столицы, пылал яростным, слепящим огнём.

Молодой правитель медленно шёл к алтарю, бережно сжимая в руках иссохшее тело своего наставника, чтобы предать его очищающему пламени.

Когда тело соскользнуло в бездну пламени, Пэй Мин на мгновение не выдержал и рванулся вперёд, пытаясь ухватиться за холодные пальцы, но его рука лишь рассекла горячий воздух. Он медленно опустил ладонь, глядя, как бушующий огонь пожирает останки. Его пальцы мелко дрожали.

«Хотя... так даже лучше. Ты ведь был таким гордецом. Наверняка не захотел бы гнить в сырой земле старым и уродливым, верно?»

Шли годы. Казалось, со временем Пэй Мин позабыл о своём ушедшем друге.

Лишь самые проникательные из его слуг замечали, что на шее владыки неизменно висел крошечный флакон из белого фарфора.

«Должно быть, это какой-то невероятно редкий и могущественный артефакт, раз уж сам Демонический Император никогда с ним не расстаётся», — шептались придворные за его спиной.

<http://bllate.org/book/20589/2181788>